

Шпанов Николай Николаевич

Связная Цзинь-Фын

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Шпанов Николай Николаевич

Связная Цзинь-Фын / Шпанов Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 89 с.

ISBN 978-5-458-04359-5

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г., Николай Шпанов — автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика — сквозного героя нескольких произведений — Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04359-5

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Шпанов Николай
Николаевич
Связная Цзинь-Фын

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Связная Цзинь-Фын

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Цзинь Фын было уже двенадцать лет, но она была такая маленькая, что все принимали ее за восьмилетнюю.

Она отдыхала на земляной лежанке. Лежанка эта имела вид кана, но в ней не проходили теплые трубы, как в настоящем кане, потому что в подземелье не было печей. Ведь наружу нельзя было выпустить ни струйки дыма, не обнаружив этим партизанского убежища в катакомбах. Лежанка была холодной, и Цзинь Фын было холодно. Она никак не могла заснуть, хотя спать ей очень хотелось.

Стоило ей закрыть глаза, как делалось очень страшно: перед ней вставал образ ее старшей сестры Цзинь Го. Цзинь Фын знала, что на допросе в гоминдановской разведке Цзинь Го отрубили руку, потом вторую. Поэтому сестра снилась ей без рук. Девочка знала, что Цзинь Го в конце концов повесили за ноги, и она знала уже, как выглядят такие повешенные. Было очень страшно, и она никак не могла уснуть. Она только делала вид, будто спит, чтобы не приходилось ни с кем разговаривать и можно было думать.

А ей было о чем подумать, несмотря на то, что прожила она на свете совсем еще мало. Не так-то уж много времени прошло с тех пор, как Цзинь Го привела ее к "красным кротам", а сколько перемены успело произойти в жизни Цзинь Фын! Это была совсем, совсем новая для нее жизнь. Ведь из всех многочисленных партизанских отрядов, дравшихся с врагами на просторах великой китайской страны, "красные кроты" были едва ли не самыми страшными для гоминдановцев. Они укрывались под землей и были почти неуловимы. Из подземелий они совершали свои смелые вылазки против войск Чан Кай-ши¹ и опять скрывались в подземелье так же неожиданно и неприметно, как появлялись. Они были везде и всюду, на фронте и в тылу врага.

Борьба китайского народа против предателя Чан Кай-ши и его союзников не была новостью для маленькой Цзинь Фын, но такой способ всевать из-под земли, в каком она сама теперь принимала участие, был для нее нов. Она с интересом приглядывалась к тому, как старшая сестра выполняла нелегкие обязанности связной. Однако ей самой приходилось оставаться в подземелье: ее еще не пускали на поверхность.

Под землей же она выполняла немало всяких работ.

Эти работы вовсе не были похожи на героические подвиги партизан, о которых пел песни народ, но они были необходимы на войне. Цзинь Фын готовила пищу бойцам, стирала их белье, чинила одежду, помогала чистить оружие, заправляла фонари, набивала патронами опустевшие патронташи и делала многое другое. Например, помогала радисту коротать утомительные вахты, рассказывая ему всякие забавные сказки, слышанные в детстве от старших...

Но вот Цзинь Го очутилась в лапах чанкайшистской полиции. Уже два месяца, как ее обязанности перешли к Цзинь Фын. Это были нелегкие и опасные обязанности. Они требовали выхода на поверхность земли. А каждый такой выход мог стать последним. Даже самый первый. И, пожалуй, даже самый первый мог стать последним скорее, чем всякий последующий. Ведь Цзинь Фын еще не обладала опытом старшей сестры. Но она действовала так, как ее наставлял командир отряда, и старалась поточнее вспомнить все то, что ей рассказывала сестра Цзинь Го.

Опасность при выходе на поверхность заключалась в том, что гоминдановцы могли выследить партизанскую связную. Они охотились за всяким, кто казался им подозрительным. А будучи врагами народа, они во всех простых людях подозревали своих врагов. Если бы Цзинь Фын попала в руки гоминдановцев, ее постигла бы страшная участь ее сестры. Впрочем, это действительно было бы очень страшно, думалось Цзинь Фын, но не было бы еще самым страшным. А самое страшное заключалось в том, что по следам выслеженной ими связной гоминдановцы могли подобраться к тайным выходам из катакомб и замуровать их, как это пытались уже до них делать интервенты. Вот что было самым опасным! Поэтому с каждым выходом маленькой связной на поверхность была связана не только ее собственная судьба, но и судьба всех "красных кротов". Каждый выход требовал от нее не только смелости, но и самой большой осторожности и ловкости. И то и другое требует от любого человека очень большого нервного напряжения. Ну, а если к тому же этому человеку всего двенадцать лет?..

Цзинь Фын возвращалась с заданий очень усталой. Не столько от ходьбы, которой тоже, конечно, было слишком много, сколько именно оттого, что непрерывно нужно было быть начеку. Когда она возвращалась, ей очень хотелось спать. И почти всегда она, немножко поев, крепко засыпала.

Но сегодня сон не приходил, несмотря на то что она устала так же, как обычно. Нет, даже больше, чем обычно! Ведь из города она несла такой непомерно тяжкий груз, как известие о смерти сестры

после двух месяцев заключения и пыток. Цзинь Фын никому не призналась, как страшно ей было нести этот груз. А командир "красных кротов", выслушав ее, не сказал ей, как много это известие о гибели храброй связной значило для него и для всех партизан. Он только сказал ей все то ласковое, что мог бы сказать отец, или старший брат, или очень-очень хороший друг, и велел ей лечь и заснуть. Если сможет...

И вот она лежала теперь и делала вид, будто спит. Командир, казалось, был занят чтением, хотя на самом деле мысли его были очень далеки от того, что было написано в книге. Он думал о случившемся, то и дело поглядывая на свернувшуюся клубочком Цзинь Фын.

Когда командир отряда "красных кротов" отворачивался, она приподнимала веки и видела, как он высоко держал книгу здоровой рукой, чтобы свет коптилки падал на страницу; видела, как он неловко подсовывал книгу под локоть раненой правой руки, когда вставал, чтобы поправить фитиль коптилки или взять наушник радиоприемника.

У командира было такое же лицо, какое бывает у людей, долго пробывших в тюрьме. Но у него это было не от тюрьмы, а потому, что полтора месяца с того дня, как его ранили, он не выходил на поверхность. Тут, под землей, на расстоянии почти четырех ли от ближайшего входа в катакомбы, воздух был спертый, промозглый. К тому же в нем носилась копоть от камельков и коптилок. Эта копоть забивалась в уши, за воротник, во все морщинки на лицах. От этого лица у всех делались, как у углекопов.

Девочке был виден и радист, отделенный от командира циновкой. Он сидел с черными наушниками на голове, подперев ее двумя руками, словно боялся, что иначе она упадет ему на грудь. Время от времени он встряхивал головой, чтобы отогнать дрему.

Теперь девочка знала, что радисту девятнадцать лет. Но прежде - в тот день, когда пришла сюда впервые с сестрой, - она, здороваясь, назвала его "дедушкой".

Перед вахтой, когда радист подсаживался к глинобитному столу, чтобы выпить горячей воды, лицо у него бывало прозрачно-желтое; к концу же дежурства, когда в морщинки дряблой кожи набивалась сажа коптилок, оно делалось темно-серым. А дряблой и желтой его кожа стала от постоянного пребывания под землей.

Вот командир - тот часто бывал на поверхности. Но тоже только до того, как его ранили. А радист не был там с того самого дня, как впервые пришел сюда. Командир называл его ушами отряда. Ради-

сты были лишены права ходить в операции на поверхность земли. Ведь радистов в отряде было только двое. Каждый из них едва успевал выспаться после утомительной восьмичасовой вахты. Восемь часов работы, восемь часов сна и снова восемь часов работы. Оба они давно перестали отличать день от ночи. Они не взрывали складов и транспортов врага, не убивали гоминдановских часовых, не приводили пленных. Они только слушали эфир и изредка посылали в него свои позывные, если нужно было дать знать далекому командованию, что отряд цел и действует, или выдать квитанцию в получении боевого приказа командарма, или, наконец, передать приказ своим разведчикам, действовавшим в тылу врага. Но переходить с приема на передачу можно было совсем-совсем редко, чтобы не выдать себя гоминдановцам.

Сейчас Цзинь Фын глядела на сонно вздрагивающего радиста и думала обо всем этом. Она была совсем маленькая девочка, но думала о них всех так, словно была самой старшей; как будто большая была она, а они - маленькие. Она морщила лоб и думала, а когда командир к ней оборачивался, плотно смыкала веки и делала вид, будто спит.

Все члены отряда были трудовыми людьми - крестьянами и рабочими, людьми, пришедшими из других сел, других городов и даже из других провинций. Кроме начальника разведки, когда-то работавшего на мельнице здесь же, в Шаньси, и кроме работника подпольной типографии, помещавшейся в соседнем отсеке подземелья. Он был тоже местный - инженер из Тайюани. А теперь он был печатником и наборщиком и, когда не было работы в типографии, еще оружейником. И еще не была работницей Цяо - жена инженера. Она была доктор. Но и Цяо тоже жила почти все время под землей. Командир не пускал ее на поверхность, чтобы не лишиться единственного врача...

Цяо устроила лазарет во втором отсеке направо. Там у нее был даже операционный стол, покрытый белой клеенкой. Когда кто-нибудь возвращался с поверхности раненый, доктор сажала его под фонарем и лечила. А если раненого приносили, Цяо клала его на белую клеенку и делала операцию. А товарищи раненого держали над ним фонари и рассказывали доктору Цяо новости, принесенные с земли.

2

Жизнь отряда "красных кротов" под землей вовсе не была чем-то необыкновенным в те дни великой народной войны в Китае. Подземелье, в котором он скрывался, тоже не было единственным

в Китае. К концу сороковых годов во многих провинциях Северо-Западного Китая существовали разветвленные системы подземных ходов и укрытий. Часть этих сооружений осталась партизанам в наследство от тех времен, когда шла война с чужеземными захватчиками. Другая часть была сооружена, заново, чтобы развить и усовершенствовать старую систему.

Началом этих сооружений явились простые ямы вроде погребов, вырытые крестьянами под своими домами. В этих ямах укрывали женщин и детей, когда приходили враги. Но те легко обнаруживали такие примитивные укрытия. Наивные попытки спрятаться от злых преследователей дорого обходились жителям деревень. Это заставляло крестьян усложнять систему подземелья. Спуск в погреб или в яму под каном стал только началом длинного хода, соединявшего под землей несколько домов. Постепенно эти ходы прошли под целыми деревнями, потом соединили ряд деревень. Так возникла сложная, на много километров протянувшаяся система катакомб.

Иногда крестьянам удавалось, узнав о приближении врага, уходить этими подземными галереями, но подчас эти же подземелья являлись для крестьян и ловушками. Интервенты зажигали перед выходами костры из соломы и навоза, облитого бензином. Удушливый дым тянуло в туннель, и, спасая от смерти детей, жители выходили наружу, прямо в лапы врагов. Бывали случаи, что в местах, расположенных вблизи рек или водоемов, враги заставляли местных жителей, не успевших уйти под землю, прорывать каналы, соединяя русло с подземной галереей. Так безжалостно затапливали целую систему катакомб вместе с людьми. Гибли сотни и тысячи мирных китайцев, их жены и дети.

Однако чем более жестоким делался враг, тем больше труда и хитрости вкладывали в свои подземные сооружения китайцы. Они научились предусматривать все жестокости и ухищрения, какие могли пустить в ход интервенты. Входы и выходы хорошо маскировались и устраивались вдали от пунктов расположения врага. Галереи катакомб, расположенные в несколько этажей, делались такими запутанными, что всякий посторонний, попав в них, неизбежно заблудился бы. Подземные сооружения превратились в настоящие города, куда укрывались крестьяне целых уездов со скарбом и скотом. Там они иногда оставались месяцами, не выходя на поверхность. Они научились устраивать вентиляцию и водоотводы, даже умели отводить дым от печурок так далеко и так искусно, что он не мог их выдать. Для этого использовались дымоходы домов в деревнях.

Подземелья широко применялись партизанами для подготовки неожиданных налетов на врага. Враги больше всего боялись этих "выходцев из-под земли", появлявшихся самым неожиданным образом и в самых неожиданных местах.

Невозможно представить себе объем труда, затраченного китайцами на сооружение этих подземелий. И все это втайне, все с помощью лопаты и мотыги. Едва ли история партизанских войн знала и узнает что-либо подобное трудолюбию, вложенному китайскими крестьянами в подземную войну.

В ходе последней освободительной борьбы с чанкайшистской реакцией формировались партизанские отряды специально для борьбы из-под земли. И если прежде их боялись иностранные интервенты, то теперь их вдвое больше страшились гоминдановцы, так как у подземных воинов-освободителей появилось то, чего не было раньше: оружие, техника, боеприпасы, в значительном количестве отбитые у врага.

"Красные кроты" не были дивом. Они были одной из боевых единиц, принимавших постоянное и деятельное участие в освободительной войне китайского народа.

...Девочка лежала и думала, а командир читал. Иногда он зажмурился уставшие от плохого освещения глаза и, опустив книгу на колени, спрашивал радиста:

- Что?

- Тихо, - отвечал радист.

И командир снова брался за книгу.

Сквозь прищуренные веки девочка видела, как в подземелье вошли начальник штаба и начальник разведки отряда. Они были большие друзья и, когда бывали под землей, почти не расставались. Девочка всегда видела их вместе. В ее представлении они были едва ли не одним существом, хотя ей никогда не доводилось видеть людей, до такой степени не схожих между собой. Начальник штаба был низенький, щуплый, добродушный, любитель пошутить и сыграть в кости. Начальник разведки был жилист, раздражителен, почти непрерывно курил длинную трубку с медной чашечкой, жил по часам и возражал на все, что говорил начальник штаба.

3

Девочка знала жизнь отряда и его людей. Кое-кто думал еще, что Цзинь Фын маленькая - значит она мало знает. И уж во всяком случае не много осознает в происходящих событиях. Однако так могли думать только те, кто не понимал: каждый месяц на войне делал всех - больших и маленьких, в особенности именно ее малень-

ких участников, - старше на год. Но большие могли рассказать, что происходило у них в душе, а маленькие - такие, как Цзинь Фын, - не умели говорить об этом умно и складно. А то они рассказали бы, как расцветает в их детских сердцах прекрасный цветок любви к земле, где они родились и росли. Они могли бы рассказать, как, глядя на старших, они тянулись сердцами к тому, что в приказах командования и в газетах именовалось потом подвигом. Эти юные воины - мальчики и девочки - много, очень много могли бы рассказать старшим такого, что было бы похоже на простую, подчас совсем-совсем нескладную сказку.

Думала ли обо всем этом сейчас Цзинь Фын? Вероятно, нет. Потому что, когда вошли начальник штаба и начальник разведки и когда начальник разведки выбил о край печки свою медную трубочку, Цзинь Фын сделала вид, будто крепко спит. Она не хотела мешать их разговору. Только самым уголком глаза она изредка взглядывала на рябее лицо начальника разведки или на бледного командира отряда. Она не слышала, о чем они говорили вполголоса, но, глядя на их движущиеся губы и сосредоточенные взгляды, вспоминала один давний вечер. Однажды, так же вот лежа тут на кане, она услышала очень важный разговор своей сестры Цзинь Го с командиром отряда и с начальником разведки. Тогда еще и Цзинь Го не была связной, а мыла посуду, стирала белье и чинила обувь бойцам. То есть старшая сестра делала то, что потом стала за нее делать Цзинь Фын. Так же вот сидели тогда командир и начальник разведки возле мигающего фитилька коптилки. Склонившись друг к другу, они не спеша отхлебывали горячую воду из старых консервных банок и говорили о своих делах. А когда они смолкли, подошла Цзинь Го. Потупившись и просительно сложив руки, она негромко проговорила:

- Уважаемый отец и товарищ командир, я стыжусь того, что отнимаю ваше драгоценное время своим маленьким делом.

Цзинь Го почтительно умолкла, чтобы дать возможность командиру остановить ее, если он не пожелает слушать. Но командир молчал, и поэтому Цзинь Го продолжала:

- Подвиги моих братьев и сестер, о которых читают в газетах товарищи, кажутся мне прекрасными. Услышав о них, я больше никогда не смогу найти покоя. Приготовлять обед и заваривать чай и даже делать такую важную работу, как стирка белья для солдат, это, это... - она смущенно опустила глаза и едва слышно закончила: - это, мне кажется, не может назваться подвигом. А я... Тут она, к удивлению Цзинь Фын, смутилась и умолкла, не зная, как продолжать, хотя Цзинь Фын всегда с большим уважением смотрела на

старшую сестру и считала, что она уже совсем большая и может все, что могут взрослые.

Командир рассмеялся и сказал:

- Но ведь победы армии и складываются из мудрости партии, искусства генералов, из мужества разведчиков, храбрости солдат и скромного труда таких, как вы, наша уважаемая Цзинь Го. Должен же кто-нибудь стирать белье и греть воду для чая. Думайте о величии этого подвига, он прекрасен своей скромностью. Думайте так, и душа ваша обретет утраченный покой.

В разговор вмешался начальник разведки:

- А не кажется ли вам, товарищ командир, что эта девушка прошла уже ту часть солдатского пути в народно-освободительной войне, когда должна была чувствовать себя героиней, стирая белье и чиня солдатские туфли? Не заслужила ли она своей скромностью и трудолюбием, о котором вы сами так лестно отзывались, права посмотреть в глаза врагу? Не отсюда, не из укрытия, а так, как она мечтает: в тылу врага, где опасности подкарауливают патриота на каждом шагу. - Тут начальник разведки на мгновение умолк и потом мягко, очень мягко сказал: - Подумайте, пожалуйста, товарищ Линь: не кажется ли вам, как и мне, что мы живем в такое особенно счастливое время, когда каждый человек Нового Китая имеет право на подвиг во имя своего народа?

Цзинь Фын очень хорошо помнит и эти слова начальника разведки, и то, каким мягким голосом он произнес их. Она хорошо помнит, как удивилась тогда. Разве раньше она могла подумать, что простой шаньсийский мельник может говорить так, будто читал по книге, и таким голосом, какой она слышала только от своего отца, когда он еще не был убит чанкайшистами и ласкал ее перед сном?

Командир отряда свел брови и посмотрел в глаза Цзинь Го.

- Подвиг патриота велик, даже если он совсем незаметен, - сказал он. - Не думайте, что работа разведчика заметнее работы прачки. О ней солдаты и даже многие командиры не знают ничего. Хорош тот лазутчик, которого не только враги, но и свои считают обыкновенной прачкой.

- Прошу вас поверить: сердце мое наполнено желанием служить народу на любом посту, - скромно ответила Цзинь Го. - Но если я смогу совершить нечто подобное тому, о чем так прекрасно пишут газеты, я приду к победе во столько раз счастливей, сколько крыш на самой большой пагоде в Пекине. В моем уме нет мечты об известности. Пусть я останусь таким же маленьким человеком, как прачка... и даже пусть я стану еще незаметней!.. Но пусть кровь моя